

16. Giddens A. Nowoczesność i tożsamość [Text] / Anthony Giddens. – Warszawa: Wydawnictwo Naukowe PWN, 2010. – 328 p.

17. Castells M. Siła tożsamości [Text] / Munuel Castells. – Warszawa: Wydawnictwo Naukowe PWN, 2009. – 464 p.

18. Cavell S. Must We Mean We Say. A book of Essays [Text] / Cavell Stanley. – Cambridge University Press, 1976. – 363 p.

Safonik L. M., Ph.D. in Philosophy Science, associated professor, doctoral student in the Department of Philosophy, Lviv National University named after Ivan Franko (Ukraine, Lviv), lidiyasafonik@gmail.com

Semantic mosaic of modern person's entity

The article states that the digital culture makes possible the existence of modern person within situational existential meanings. This is resulting in the formation of existential meaning mosaics. It is noted that the person is the semantic mosaic. Despite the communicative network, the person is intensifying its communication through information technology. On the positive side, the meaningful mosaic of person's life demonstrates the importance of the formation of meanings in the process of sense understanding, which is an integrative principle of the meaning of human existence.

Keywords: person, entity, life, sense, meanings, mosaic.

* * *

УДК 165.2

Ходус Е. В., кандидат социологических наук, доцент кафедры социологии, Днепропетровский национальный университет им. Олеся Гончара (Украина, Днепр), hodus@ukr.net

СОЦИОКУЛЬТУРНЫЙ АНАЛИЗ КАК МЕТОДОЛОГИЧЕСКАЯ СТРАТЕГИЯ КОНЦЕПТУАЛИЗАЦИИ ФЕНОМЕНА ПРИВАТНОСТИ

Рассматриваются эвристические возможности социокультурного анализа в концептуализации феномена приватности. При этом особый акцент делается на одном из ключевых теоретических положений – принципе динамической взаимодополнительности «культурного» и «социального» планов реальности. Методологически это означает осознание устойчивой зависимости приватной сферы от «культурной стилистики». Утверждается, что приватность, будучи сферой феноменального опыта, субъективного по своей природе, неразрывно связанного с неартикулируемыми ощущениями и переживанием тех или иных событий, равным образом конституируется в динамической системе взаимодействий с культурными репрезентациями, идеологией, системой социальных институтов. Если исходить из такой социологической перспективы, представление о приватности как об автономной реальности кажется иллюзорным. Приватность оказывается частью той диалектически подвижной конструкции, которую формирует сам субъект, включенный в объективные социальные отношения (социальные структуры), хотя сами субъекты едва ли признают их существование. Поэтому так важно установить зависимость между индивидуальными интерпретативными усилиями и комплексом структурных ограничений, контекстуальных связей, наличествующей исторической ситуацией, которые лежат в основе этих интерпретативных процессов.

Ключевые слова: приватность, социокультурный анализ, социальный конструктивизм, феноменология.

(статья друкється мовою оригіналу)

Наверное, не будет преувеличением сказать, что приватность как самоценная индивидуально–личностная сфера или «личностный модус бытия» (так достаточно часто понимают «приватное»), становится сегодня определяющей жизненной ценностью для большинства людей. Очевидно, что разворачивающаяся на наших глазах «тирания приватности» (перефраз известной семантической лексемы «тирания интимности» Р. Сеннета) [15]) актуализирует вопросы исследовательской оптики осмысления данного феномена, оставшегося до недавнего времени маргинальной темой социально–философских рефлексий. Следует подчеркнуть, что статус полноценного предмета исследования приватность получает на волне серии эпистемологических «поворотов»

в гуманитаристике, заявивших о себе в последние десятилетия, и прежде всего – «антропологического поворота». Благодаря усилиям таких разных ученых как Н. Элиас, И. Гофман, П. Бурдьё, М. де Серто, Э. Гидденс, Ю. Лотман, В. Подорога, А. Левинсон, И. Утехин, В. Вахштайн, историки школы «Анналов», был сознательно смещен акцент анализа на микроуровень социальной реальности – уровень «приватного человека» с его практиками повседневной жизни.

Соответственно, ставя во главу угла настоящей статьи «приватные сюжеты» свою цель мы видим в обосновании эвристических возможностей такой концептуальной стратегии как социокультурный подход. Очевидно, что, говоря о приватности как предельно индивидуализированной, персональной сфере бытия, можно с определенностью настаивать на феноменальной природе приватности. В рамках гносеологической программы феноменологии данное утверждение предполагает принятие во внимание, по меньшей мере, двух методологически ориентирующих идей. Первая идея актуализирует исследовательский план рассмотрения приватности как предмета феноменальной работы, а не онтологической «данности». Это нужно понимать в том смысле, что приватность не существует, а «значит» и то «значение», «смысл», которое она имеет, следует искать в сознании самого субъекта. Тем самым приватность выступает феноменом, релевантным сущности самого человека. Вместе с тем акцент на интенциональности субъекта не отменяет вопроса – что «означает» приватность? Откуда данный феномен получает свой смысл?

Соответственно, вторая идея с очевидностью указывает на тот факт, что феномен приватности не следует отделять и от структур онтологизации, конституирующих наши интимно–личностные переживания. Определенно, индивидуальный, автономный опыт приватной экзистенции подразумевает наличие своеобразного «культурного фонда», ила как сказал М. Хайдеггер, «фонда понятностей и непосредственных доступностей» [20, с. 34], составляющего смысловой ресурс, которым «питается» наше феноменальное понимание и переживание приватного. Стоит заметить, что в каждой культуре свой «фонд» смыслов, знаков, символов, значений приватности. Важно подчеркнуть при этом следующее: безусловно, приватность обладает феноменальным единством. Иначе говоря, приватность – это всегда приватность, однако ее значения и смыслы «встроены» в конкретную культурную парадигму, зависят от конкретных социокультурных регулятивов. По верному наблюдению Ж. Деррида, «у каждой эпохи есть свои признаки (у нашей – наши)» [8, с. 250]. То, что является сущностной характеристикой и детерминирующим признаком приватности в европейской культуре Нового времени, вовсе не является таковым в советской культурной традиции, а тем более в современных реалиях и специфика эта, ни в коей мере, не вторична к тому обстоятельству, что приватности присущи единые феноменальные основания.

Итак, в той мере, в какой мы готовы признать приватность феноменом нашего сознания, и вместе с тем актуальным явлением социокультурной жизни, его изучение предполагает взаимодополнительную и потому сложную систему теоретических интерпретаций, многообразии исследовательских стратегий и методов.

Представляется, что продуктивным вектором концептуализации феномена приватности, который позволил бы, с одной стороны, разрешить «гносеологические напряжения», неизбежно возникающие в ситуации теоретического эклектизма, сложившегося в современной социальной гуманитаристике, а с другой – принять в расчет специфику культурного смыслопроизводства приватности, ее включенности в жизненно–практический контекст, может быть социокультурный анализ. Сегодня социокультурная перспектива является одним из наиболее динамично развивающихся направлений в современной социологии, антропологии, социальной философии. В западной гуманитаристике основные положения социокультурного анализа (иначе – представлены в работах Дж. Александера, Ф. Смита (Центр культур–социологии Йельского университета (США), в текстах Бирмингемской школы «культурных исследований» (cultural studies) Р. Хоггарта, С. Холла, Р. Джонсона (Великобритания). В России социокультурное направление представлено работами Л. Ионина, А. Ахизера, А. Филиппова, Н. Козырькова, Н. Зверевой, Д. Усмановой, В. Куренного. Среди украинских исследователей, работающих в методологическом поле культурной аналитики, отметим работы А. Ручки, Р. Шульги. Л. Малес. Ю. Сороки, Л. Сокурмянской, В. Середы, А. Мусиездова, Н. Костенко, Н. Черныш, О. Ровенчак и др.

Мы не станем останавливаться на плотном описании эвристических возможностей социокультурной аналитики как таковой. Это блестяще сделала украинская исследовательница Л. Малес, продемонстрировав на конкретном эмпирическом материале потенциал и ограничения этой исследовательской перспективы [13]. В рамках социокультурного подхода нам важно зафиксировать те методологические аргументы, которые дают более глубокое понимание социокультурных смыслов феноменальности приватности.

В своих общих основаниях методологическая логика социокультурного анализа вписывается в интегративную теоретическую стратегию, предложенную в свое время П. Бурдые [6]. Имеется в виду, синтез теоретических идей субъективизма (конструктивизма) и объективизма (структурализма). Его суть сводится к следующему: структура (социальный порядок, социальные институты и организации) конструируется и воспроизводится только через взаимодействие людей. Будучи воспроизведенной в их социальных практиках, структура приобретает устойчивый характер, усваивается в качестве привычки, габитуса и в таком качестве превращается в фактор навязывания людям определенных форм поведения. Отношение к действительности, соответственно, предполагает двойную связь, двойную структуриацию: во-первых, социальная действительность структурирована со стороны существующих объективно, не зависимо от сознания и воли агентов социальных отношений, которые решающим образом воздействуют на практики, восприятие и мышление индивидов. Во-вторых, социальная действительность структурирована со стороны представлений людей о социальных структурах и об окружающем мире в целом, оказывающем обратное воздействие на первичное структурирование. Таким образом, принцип двойного структурирования социальной действительности, как неоднократно подчеркивал сам П. Бурдые, позволяет восстановить нарушенное

смысловое равновесие между объективными структурами и субъективными смыслами, между «институционально предписанным» и «субъективно переживаемым», сместив при этом исследовательский фокус на символические структуры, упорядочивающие социальную жизнь.

Для социокультурного подхода принцип двойного структурирования становится ключевой идеей. Уже в самой дефиниции «социокультурного» заложено понимание корреляции между культурной семантикой (субъективно полагаемыми идеями, ценностями, смыслами, образами) и структурой (ограничениями, которые задают соответствующие рамки субъективным интерпретациям и формам активности). В поддержку этого тезиса сошлемся на авторитет К. Леви–Стросса, который полагал, что ментальное и социальное растворены друг в друге, будь то в обществе, социальном институте, организации, семье или в любом другом явлении, где присутствует человек [11]. При этом речь идет не о тождестве и не о противопоставлении, но синтезе и диалектическом взаимопроникновении «культурного» и «социального». Социокультурная аналитика склонна скорее утверждать «неидентичность» социального и культурного, подчеркивать специфическую, нередуцируемую до конца к социальному, хотя отнюдь не безразличную к последнему субстанциональность культурных феноменов. Особенности форм корреляции между «культурным» и «социальным», описал российско–американский социолог П. Сорокин, формулируя идею «неразрывной триады» – личности, общества и культуры, образующих своего рода матрицу («родовую структуру») всех социокультурных явлений» [16, с. 218]. В сорокинской идее «неразрывной триады» отчетливо присутствует взгляд на феномены социальной реальности (социокультурной реальности, если строго следовать терминологии самого П. Сорокина) как на такие, что формируются из массы субъективных ощущение и объективных интерпретации/репрезентаций, сопряженных не по принципу субординации, а скорее по принципу субсидарности (взаимодополнительности).

Методологически это выразилось в необходимости принимать во внимание тот факт, что субъективно полагаемые смыслы и значения, то есть культурная семантика, задающая модус практической активности субъекта, неотделимы от социальных условий, их производящих, от системы отношений, в которых они проявляются. Другими словами, за индивидуальными субъективно–смысловыми конструкциями, за личным человеческим выбором, и даже за спонтанными действиями всегда обнаруживается социально–структурирующее начало. На это обстоятельство указывает и М. Мерло–Понти. «В плоти случайного, – резюмирует философ, – есть своего рода структура, нечто вроде сценария, и эта структура, или сценарий, препятствует многообразию интерпретаций и даже составляет их глубинное основание» [14, с. 39]. Вместе с тем, очевидно, что «объективные» признаки репрезентации не могут быть независимыми от «культурного фона», от субъективно осмысленных схем действия.

С позиции такой взаимодополнительной оптики, очевидно, что понимание социального возможно только на основе экспликации культурных смыслов, в него заложенных. В этой связи, один из крупнейших американских социологов Дж. Александер, обосновывая предложенный им проект культуральной социологии

(«cultural sociology»), заявляє наступне: «Этот подход к работе социолога, высвечивающий человеческую сторону социальных феноменов. То есть это попытка акцентировать способы восприятия и производства социальной жизни активным агенством человеческих существ, которые помещены в переплетение смыслов, ими самими сотканных» [2, с. 5–10]. Как видим, Дж. Александер оспаривает взгляд на культуру как на внешнее окружение социального действия. Напротив, культура, выступая «внутренним жизненным текстом, который поддерживается знаками и символами, находящимися в сложной внутренней взаимосвязи» [3, р. 145], является смысловой тканью самой социальной жизни.

Культур–социологический подход, таким образом, предлагает «новое обоснование» социальной реальности как реальности смысловой, где культура, соразмерная человеческому бытию, предстает его конститутивным и конструктивным основанием. Это теоретическое допущение, отмеченное наряду с Дж. Александером многими исследователями (в частности А. Щюцем, П. Бергером, Т. Лукманом, Н. Элиасом, Ф. Тенбруком, М. Фуко, С. Холлом, П. Бурдьё), предполагает признание за социальными фактами, событиями, процессами, феноменами наличия плотной ткани культурных кодов, моральных универсалий, символов, дискурсов.

Далее, руководствуясь сказанным, сосредоточим непосредственное внимание на одном из ключевых положений культурной аналитики, а именно – теоретическом положении о динамической взаимодополнительности «культурного» и «социального» планов реальности. Применительно к интересующему нас феномену акцент на социокультурность предполагает понимание того обстоятельства, что архитектура приватности (ее возможные фигурации, «объективные» атрибуты репрезентации) в целом обусловлена комплексом взаимозависимых «причиняющих сил» (в терминологии Дж. Александера) – культурных («единовременным культурным качеством» как выразился П. Сорокин), социальных (спецификой социальной организации общества), персональных (нашим личным восприятием и переживанием окружающего мира). При этом невозможно выделить главную «причиняющую силу», поскольку все они «встроены» друг в друга. Иными словами, феномен приватности сам по себе субъективен, но одновременно персональные смыслы приватности структурированы кодами языка, коллективно разделяемыми представлениями, институтами социального контроля, что делает приватность также и социальной. В свете всего вышесказанного, очевидно, что приватные смыслы и значения напрямую или косвенно легитимируются и санкционируются репрезентативной культурой, приписывающей (и одновременно предписывающей) субъекту типичные представления о «дозволенном», «приемлемом», «желаемом» поведении в этой сфере. В данном случае, используя вслед за Ф. Тенбруком [17] и Л. Иониным [9, с. 76] категорию репрезентативности применительно к процессам смыслопроизводства приватности, мы привлекаем внимание к тому факту, что содержательные представления о приватной семантике существуют только в культурных репрезентациях, образующих, в свою очередь, матрицу индивидуальной практической активности субъектов. Активно принимая либо пассивно признавая репрезентативные определения

«ситуации приватности», индивид, тем самым, включается в процесс «объективации субъекта объективации» [7, с. 10]. В результате, «присваивая» социальный опыт как опыт внешнего мира, индивид формирует собственную персональную реальность, к которой имеет привилегированный доступ.

Приватная жизнь социальна и в том, что, она, хотя и является в полном смысле личным делом каждого (и не рассчитана на критическую рефлексию и коллективное обсуждение), тем не менее, конституируется в коммуникации и интеракции с другими людьми. Как полагает Ю. Хабермас, в каждом коммуникативном акте устанавливается соотносительность внутреннего мира с миром внешним [19]. Именно в процессе коммуникации формируется жизненный мир – своего рода социокультурный фон, окружение для социальной практики, интерсубъективный запас знаний, аккумулированный в языке. Аналогичным образом и сфера приватного, будучи «имманентно» включенной в структуру жизненного мира, всегда является интерсубъективным миром культуры, который, если следовать логике А. Щюца, «<...> предстает перед нами как смысловой универсум, совокупность значений, которые мы должны интерпретировать для того, чтобы обрести опору в этом мире, прийти к соглашению с ним» [21, с. 130]. В этой связи можно предположить, что приватная реальность, выступая продуктом субъективных интерпретаций, сложным образом конструируется (в данном контексте этот термин представляется наиболее уместным) через систему коллективных представлений.

Продолжая традицию А. Щюца, его ученики – П. Бергер и Т. Лукман, сосредоточили непосредственное внимание на механизме социального конструирования реальности [4, с. 153–154]. Авторы поставили перед собой проблему выработки такой концептуальной оптики, которая позволила бы рассматривать социальный порядок как непосредственно данную нам реальность (то есть как «объективную реальность»), и вместе с тем как конструкт, смысловые основания которого (значения, символы, ценности) создаются и воспроизводятся в процессе непрерывных повседневных взаимодействий. В свою очередь, механизм социального конструирования реальности подразумевает следующие процедуры:

– процедура *хабитуализации* («опривычивание», превращение реальности в «очевидную», «нормальную», «повседневную», в «само собой разумеющуюся»). Так, в ситуации советской реальности «само собой разумеющейся» была установка на то, что приватные желания следует держать в тайне или, по меньшей мере, не публиковать. В частности, совершенно невозможно было представить, к примеру, раскрепощенную телесность и сексуальность в советских телевизионных репрезентациях. В этом плане весьма примечательна ставшая крылатой фраза «В СССР секса нет!» (в оригинальном высказывании речь шла о присутствии сексуальных сюжетов в телевизионной рекламе). Что же касается постсоветских (в том числе и украинских) реалий, то здесь «очевидность» кардинально иная. В современных визуальных репрезентациях сексуальное наслаждение, плотские желания предстают «во все своей славе и красе» [5, с. 52]. И уже вместо старых запретов «само собой разумеющейся» становится жизнь в атмосфере «террора оргазма» [5, с. 28];

– процедура типизации, без которой существование людей в социокультурном пространстве было бы вообще невозможно. Типизация – подведение повседневных действий и взаимодействий под привычные/типичные/повторяющиеся образцы (классы объектов) – придает смысл любым, даже новым явлениям и, тем самым, встраивает их в жизненный мир в качестве знакомых, а потому понятных и «само собой разумеющихся». В этом отношении стоит отметить, что современная типизация приписывает типу личности и типу действия максимальную рационализацию и коммерциализацию интимной жизни. На фоне «экономики либидо» (Ж.–П. Лиотар) «все переворачивается с ног на голову: сексуальное желание из подозрительного превращается в принудительное, а тот, кто уклоняется, навлекает на себя подозрение в том, что он серьезно болен» [5, с. 28]. Тем самым, совокупность типизаций образует повседневную реальность, при этом у каждого взаимодействия, у каждой ситуации схема типизации и заложенный в нее смысл (социальный запас знаний) свой. Процедуры типизации, тем самым, ответственны за создание смысловых связей между явлениями социального мира [1, с. 87]. Результатом процедур типизации является создание коллективных представлений, социального запаса знаний, который включает «знание моей ситуации и ее пределов» [4, с. 72–74], закрепленных в языке повседневности (языке имен, вещей и событий). Выступая «типизирующим медиумом, посредством которого передается социальное знание» [21, с. 132], язык сохраняет в себе все возможные типические схемы повседневного опыта. «Благодаря использованию языка каждый человек участвует в процессах социального распределения знания, включаясь в разнообразные смысловые контексты и восполняя смысловой запас типичных конструкций» [10, с. 11]. Руководствуясь сказанным, в качестве поясняющего примера типизаций частного опыта, обратимся к советскому социокультурному контексту. Как известно идеал полноценной частной жизни с трудом вписывался в официальную риторику советской власти, призванную сместить акценты с личного на общественное. Любовь, интимность, желание хотя бы минимального комфорта и уюта (заклейменное в пропагандистском дискурсе как «мещанский уклон») – одним словом все эти аспекты частного бытия не должны были препятствовать реализации идеологических целей государства. Собственно говоря, частную сферу в условиях советского общества вполне можно было бы включить в перечень «не-фактов». Именно так Юрий Лотман предложил называть все то, что «доминирующая культура пытается вытеснить на периферию собственного культурного пространства» [12, с. 303]. Одна из практик вытеснения приватности с политической и культурной сцены подразумевала «форматирование» официального языка. Речь идет об устранении из дискурса вопросов сексуальности, телесности, эротики и т.п. Вот что пишет по этому поводу российская исследовательница Альмира Усманова: «Советская культура в целом была культурой весьма пуританского (и часто ханжеского) отношения к сфере интимных отношений. Негласные табу на публичное обсуждение этих вопросов (начиная с конца 1920–х гг.) образовали зияющую дыру в лексиконе советских людей, не способных даже на приеме у врача сообщить что-либо внятное «про это». Не случайно, в постсоветское время

большинство терминов, касающихся интимной сферы – от мастурбации и репродукции до эксгибиционизма – были нами заимствованы из английского языка» [18, с. 26]. Как сказал бы А. Шюц, типические схемы частного опыта, будучи исключенными из сферы релевантных коммуникаций, закономерно не получили соответствующего закрепления в языке;

– процедура институционализации – динамический процесс возникновения, установления и воспроизводства социального порядка – предполагает закрепление типизаций – того совокупного запаса знаний, коллективных представлений, которые конструируются индивидами в процессе взаимодействия, в виде институтов – «объективированных, обладающих статусом фактичности типизаций действий и деятелей» [4, с. 92–101]. Из таких «упорядоченных» типизаций рождается объективированный социальный мир, который «переводится в индивидуальное сознание в ходе социализации» [4, с. 102]. Если принять во внимание тот факт, что институты по отношению к субъекту действуют как принудительная сила, задающая систему символических предписаний (через установление ритуалов, норм, правил, запретов, ограничивающих индивидуальный опыт), понятными выглядят процессы институциональной реконфигурации частных конструкций в постсоветских реалиях. Из маргинальной сферы жизни в советском обществе приватность превращается сегодня в центральную, приобретает совершенно иной смысл, схемы типизации и топологию;

– процедура легитимации – объяснение и оправдание существующего социального порядка, смыслы которого усваиваются в процессе социализации. Легитимация «объясняет» институциональный порядок, предоставляет когнитивные и нормативные его интерпретации, включающие как примитивные объяснения, даваемые родителям своим детям, так и сложные построения, включающие научные. Философские, мифологические систем, политические идеологии и пр. [4, с. 103–104]. К этому следует добавить только одно – тот символический смысл, который приобретает для человека частная жизнь всегда лежит в основе процессов легитимации «символического универсума», становящегося своеобразной «фабрикой значений» (П. Бергер, Т. Лукман), из которой человек черпает ресурсы для жизненного мира). Говоря на языке драматургической социологии (И. Гофман), каждый символический универсум («театр») имеет свой репертуар, свой набор «спектаклей» повседневной жизни, то есть логически законченных устойчивых ситуаций социального взаимодействия, ограниченных во времени и пространстве, содержащих определенную культурную программу, поведенческие фреймы. Например, современная частная жизнь включает в себя более или менее привычные серии «спектаклей» под названием «мое личное пространство», «я наедине с собой», «домашний мир», «забота о теле», «интимные отношения», «друзья», в рамках которых само собой разумеющимся является право человека лично определять и контролировать пространственно-временные границы собственной автономии, формы реализации своих желаний, вкусов.

В качестве выводов, подчеркнем следующее: принимая в расчет концептуальные ресурсы социального конструктивизма, социальной феноменологии –

теоретических истоков культурной аналитики – можно утверждать, что приватность, будучи социокультурным феноменом, не является в строгом смысле субъективной реальностью, поскольку смыслы приватности задаются, типизируются, сигнифицируются социально, объективизируются институциональной матрицей репрезентативных культурных значений («культурным универсумом»). В то же время приватность не является сугубо объективной: будучи результатом осмысленных субъективных интерпретаций, ее содержательные смыслы всегда индивидуальны. Тем самым, исследовательский потенциал социокультурного подхода, фокусирующего внимание на сложной взаимозависимости «социального» и «культурного», не только снимает классическую эпистемологическую оппозицию «объективизм vs. субъективизм», он обладает конкретным объяснительным ресурсом для метатеоретического описания/наблюдения/понимания социальной реальности (в ее конкретной феноменологии), основанного на комплексной аргументации.

Список использованных источников

1. Абельс Х. Интеракция, идентификация, презентация: введение в интерпретативную социологию / Х. Абельс. – СПб.: Алетейя, 1999 – 272 с.
2. Александер Дж. Об интеллектуальных истоках «сильной программы» / Дж. Александер // Социологическое обозрение. – 2010. – Т.9. – №2. – С.5–10.
3. Alexander J., Smith Ph. The strong program in cultural theory. Elements of a structural hermeneutics // Handbook of sociological theory / Ed. by J. H. Turner. – New York: Kluwer Academic, Plenum Publishers, 2002. – P.135–150. [online] http://ccs.research.yale.edu/alexander/articles/2002/alexsmith_strongpr.pdf; Date of access October, 25, 2016.
4. Бергер П., Лукман Т. Социальное конструирование реальности. Трактат по социологии знания / П. Бергер. – М.: Медиум, 1995. – 323 с.
5. Брюкнер П. Парадокс любви: Эссе / П. Брюкнер; пер. с фр. – СПб.: Изд-во Ивана Лимбаха, 2010. – 272 с.
6. Бурдьё П. Социальное пространство: поля и практики / П. Бурдьё; пер. с фр.; общ. ред. и послесл. Н. А. Шматко. – М.: Институт экспериментальной социологии; СПб.: Алетейя, 2005. – 576 с.
7. Бурдьё П. Введение в социологию социальных наук: объективация субъекта объективации / П. Бурдьё // Социология под вопросом, Социальные науки в постструктуралистской перспективе. – М.: Практикс; Институт экспериментальной социологии, 2005. – С.9–15.
8. Деррида Ж. Призраки Маркса. Государство долга, работа скорби и Новый интернационал / Ж. Деррида; пер. с фр. Б. Скуратова. – М.: Logos altera, 2006. – 254с.
9. Ионин Л. Социология культуры: путь в новое тысячелетие / Л. Ионин. – М.: Логос, 2000. – 431с.
10. Кожевников С. Б. Социум в структурах жизненного мира / С. Б. Кожевников // Социологический журнал. – 2008. – №2. – С.5–29.
11. Леви–Стросс К. Структурная антропология = Anthropologie structurale / К. Леви–Стросс; пер. с фр. В. В. Иванова. – М., 2001. – 512 с.
12. Лотман Ю. «Проблема исторического факта» / Ю. Лотман // Внутри мыслящих миров. Человек – текст – семиосфера – история. – М., 1996. – 464 с.
13. Малес Л. Вивчаючи тексти культури: соціокультурний аналіз як пізнавальна стратегія в соціології / Л. Малес. – К.: КІС, 2011. – 325 с.
14. Мерло–Понти М. Око и дух / М. Мерло–Понти; пер. с фр. – М.: Искусство, 1992. – 63 с.
15. Сеннет Р. Падение публичного человека / Р. Сеннет; пер. с англ. – М.: «Логос», 2002. – 424 с.
16. Сорокин П. Человек. Цивилизация. Общество / П. Сорокин. – М.: Политиздат, 1992. – 542 с.
17. Тенбрук Ф. Репрезентативная культура / Ф. Тенбрук // Социологическое обозрение. – 20013. – Т.12. – №3. – С.93–120.
18. Усманова А. Утраченная приватность: «технологии» депривации в советском и постсоветском контекстах / А. Усманова // Женщины в политике: новые подходы к политическому. Феминистский образовательный альманах. – Прага, 2013. – Вып.3. Публичное: приватизация приватного. – С.11–34.
19. Хабермас Ю. Моральное сознание и коммуникативное действие / Ю. Хабермас; пер. с нем. – СПб.: Наука, 2000. – 380 с.
20. Хайдеггер М. Основные проблемы феноменологии / М. Хайдеггер; пер. с нем. – СПб.: Высшая религиозно-философская школа, 2001. – 442 с.
21. Щюц А. Структура повседневного мышления / А. Щюц // Социологические исследования. – 1988. – С.129–137.

References

1. Abels Kh. Interaktsiya, identifikatsiya, prezentatsiya: vvedenie v intpretativnyuyu sotsiologiyu / Kh. Abels. – SPb.: Aleteyya, 1999 – 272 s.
2. Aleksander Dzh. Ob intellektualnykh istokakh «silnoy programy» / Dzh. Aleksander // Sotsiologicheskoe obozrenie. – 2010. – T.9. – №2. – S.5–10.
3. Alexander J., Smith Ph. The strong program in cultural theory. Elements of a structural hermeneutics // Handbook of sociological theory / Ed. by J. H. Turner. – New York: Kluwer Academic, Plenum Publishers, 2002. – P.135–150. [online] http://ccs.research.yale.edu/alexander/articles/2002/alexsmith_strongpr.pdf; Date of access October, 25, 2016.
4. Berger P., Lukman T. Sotsialnoe konstruirovaniye realnosti. Traktat po sotsiologii znaniya / P. Berger. – M.: Medium, 1995. – 323 s.
5. Bryukner P. Paradoks lyubvi: Esse / P. Bryukner; per. s fr. – SPb.: Izd-vo Ivana Limbakha, 2010. – 272 s.
6. Burde P. Sotsialnoye prostranstvo: polya i praktiki / P. Burde; per. s fr.; obshch. red. i poslesl. N. A. Shmatko. – M.: Institut eksperimentalnoy sotsiologii; SPb.: Aleteyya, 2005. – 576 s.
7. Burde P. Vvedenie v sotsiologiyu sotsialnykh nauk: obektivatsiya subekta obektivatsii / P. Burde // Sotsiologiya pod voprosom, Sotsialnye nauki v poststrukturalistskoy perspektive. – M.: Praktiks; Institut eksperimentalnoy sotsiologii, 2005. – S.9–15.
8. Derrida Zh. Prizraki Marksa. Gosudarstvo dolga, rabota skorbi i Novyy internatsional / Zh. Derrida; per. s fr. B. Skuratova. – M.: Logos altera, 2006. – 254 s.
9. Ionin L. Sotsiologiya kultury: put v novoye tysyachiletie / L. Ionin. – M.: Logos, 2000. – 431 s.
10. Kozhevnikov S. B. Sotsium v strukturakh zhiznennogo mira / S. B. Kozhevnikov // Sotsiologicheskyy zhurnal. – 2008. – №2. – S.5–29.
11. Levi–Stross K. Strukturnaya antropologiya = Anthropologie structurale / K. Levi–Stross; per. s fr. V. V. Ivanova. – M., 2001. – 512 s.
12. Lotman Yu. «Problema istoricheskogo fakta» / Yu. Lotman // Vnutri mysl'yashchikh mirov. Chelovek – tekst – semiosfera – istoriya. – M., 1996. – 464 s.
13. Males L. Vivchayuchi teksti kulturi: sotsiokulturniy analiz yak piznavalna strategiya v sotsiologii / L. Males. – K.: KIS, 2011. – 325 s.
14. Merlo–Ponti M. Oko i dukh / M. Merlo–Ponti; per. s fr. – M.: Iskusstvo, 1992. – 63 s.
15. Sennet R. Padenie publichnogo cheloveka / R. Sennet; per. s angl. – M.: «Logos», 2002. – 424 s.
16. Sorokin P. Chelovek. Tsivilizatsiya. Obshchestvo / P. Sorokin. – M.: Politizdat, 1992. – 542 s.
17. Tenbruk F. Rerezentativnaya kultura / F. Tenbruk // Sotsiologicheskoe obozrenie. – 20013. – T.12. – №3. – S.93–120.
18. Usmanova A. Utrachennaya privatnost: «tehnologii» deprivatsii v sovetskom i postsovetskom kontekstakh / A. Usmanova // Zhenshchiny v politike: novye podkhody k politicheskomu. Feministskiy obrazovatelnyy almanakh. – Praga, 2013. – Vyp3. Publichnoe: privatizatsiya privatnogo. – S.11–34.
19. Khabermas Yu. Moralnoye soznanie i kommunikativnoye deystvie / Yu. Khabermas; per. s nem. – SPb.: Nauka, 2000. – 380 s.
20. Khaydegger M. Osnovnyye problemy fenomenologii / M. Khaydegger; per. s nem. – SPb.: Vysshaya religiozno–filosofskaya shkola, 2001. – 442 s.
21. Shchyuts A. Struktura povsednnevnogo myshleniya / A. Shchyuts // Sotsiologicheskyye issledovaniya. – 1988. – S.129–137.

Khodus H. V., PhD in Sociology, Assistant Professor, Department of Philosophy, Oles Honchar Dnipropetrovsk National University (Ukraine, Dnipro), hodus@ukr.net

Sociocultural analysis as a methodological strategy in the conceptualization of the phenomenon of privacy

The article discusses the heuristic possibilities of social and cultural analysis in the conceptualization of the phenomenon of privacy. With special emphasis on one of the key theoretical provisions – principle of dynamic complementarity «cultural»

and «social» realms. In methodological terms, it means the realization of a stable dependence private sphere from the «cultural stylistics». It is argued that privacy as a sphere of the phenomenal experience is subjective in nature, similarly constituted with a dynamic system of interactions with cultural representations, ideology, social institutions. In such a sociological perspective, the idea of privacy as an autonomous reality seems illusory. Privacy is a part of the movable structure, which forms the subject itself, which is included in the objective social relations (social structure), although the subjects hardly recognize their existence. It is therefore important to establish the relationship between individual interpretive efforts and the complex structural constraints, contextual links relevant to the historical situation that lay at the basis of these interpretative processes.

Keywords: privacy, social and cultural analysis, social constructivism, phenomenology.

Ходус О. В., кандидат соціологічних наук, доцент кафедри соціології, Дніпропетровський національний університет ім. Олеся Гончара (Україна, Дніпро), hodus@ukr.net

Соціокультурний аналіз як методологічна стратегія концептуалізації феномена приватності

Розглядаються евристичні можливості соціокультурного аналізу в концептуалізації феномена приватності. При цьому особливий акцент робиться на одному з ключових теоретичних положень – принципі динамічного інтерфейсу «культурного» та «соціального» планів реальності. Методологічно це означає усвідомлення стійкої залежності приватної сфери від «культурної стилістики». Стверджується, що приватність, яка виступає сферою феноменального досвіду, суб'єктивного за своєю природою, водночас конститується в динамічній системі взаємодії з культурними репрезентаціями, ідеологією, системою соціальних інститутів. Виходячи з такої соціологічної перспективи, уявлення щодо приватності як автономної реальності здається цілком ілюзорним. У цьому плані приватність виявляється частиною тієї діалектично рухомої конструкції, яку формує сам суб'єкт, залучений до об'єктивних соціальних відносин (соціальних структур), хоча самі суб'єкти навряд чи визнають їх існування. Тому так важливо встановити залежність між індивідуальними інтерпретативними зусиллями й комплексом структурних обмежень, контекстуальних зв'язків, наявної історичної ситуації, які слугують підґрунтям цих інтерпретативних процесів.

Ключові слова: приватність, соціокультурний аналіз, соціальний конструктивізм, феноменологія.

* * *

УДК 140.8+13+32.019.51

Холох О. І., кандидат філософських наук, провідний науковий співробітник, Науково-дослідний центр гуманітарних проблем Збройних Сил України (Україна, Київ), kholokh.lena@ukr.net

Філософсько-антропологічне осмислення сучасної пропаганди

Досліджено пропаганду як різновид масової комунікації, що стає невід'ємною складовою суспільного життя. Такий підхід до пропаганди започаткований Е. Бернейсом, який пізніше отримав концептуалізацію в Ж. Елюля, у відповідності до якої ефективність пропаганди обумовлюється бінарним функціонуванням попередньої пропаганди та цілеспрямованої пропаганди-агітації. Ця модель була осмислена з позицій філософсько-антропологічного підходу, який формує міждисциплінарне поле гуманітарних і прикладних наук, що дозволяє розкрити нові особливості досліджуваного явища у взаємозв'язку з проблемою людини. Такий підхід дозволив простежити розвиток пропаганди у взаємозв'язку зі зміною розуміння сутності людини. До того ж розкрито глибинні антропологічні засади, на яких ґрунтується вплив сучасної пропаганди, – через загальний смисловий контекст, у якій занурена людина, що формується на основі значущих символів і міфів; через емоційну частину людського мозку, яка викликає раціональність і робить людину схильною до нового типу вчинків; через міметичну діяльність людини. Результати дослідження спрятяться підвищенню медіо-інформаційної грамотності населення, яка сьогодні стає одним з найголовніших факторів суспільного розвитку. Також окреслено загальний вектор використання сучасної пропаганди на благо суспільства і держави.

Ключові слова: пропаганда, комунікація, попередня пропаганда, пропаганда-агітація, антропологія, мімесис, міф, досвід.

Сучасне ставлення до пропаганди є розмитим, неоднозначним, але переважно негативним, що не дивно, враховуючи ті історичні обставини, за яких вона розвивалася у минулому сторіччі. До початку ХХ ст. термін «пропаганда» не мав негативних конотацій і часто означав інформування про щось. Негативне ставлення

до пропаганди у світі сформувалось через військову пропаганду Першої і Другої світових війн. В українському суспільстві після розпаду Радянського Союзу було накладено своєрідне табу на пропаганду у зв'язку із питаннями державної ідеології. Тому сама згадка про неї викликає відразу та бажання дистанціюватись. Подібна реакція набула ознак ледве не умовного рефлексу. При тому, що пропаганда існує протягом усієї історії людства. Проте її роль у суспільному житті змінювалась.

Життя людини у традиційному суспільстві перебувало у відносно автономній локальній спільноті, як правило з моноетнічною соціокультурною системою із власними просторово-часовими вимірами, базовими духовно-культурними цінностями, довгостроковими (інваріантними) економічними і суспільно-політичними структурами та культурними зв'язками. У таких суспільствах значуща інформація передавалась соціокультурною традицією від покоління до покоління в усній формі, далі у писемній, тому на той час не існувало потреби у цілеспрямованому поширенні ідей, переконань тощо. До того ж обсяги інформації були незначними. Разом з тим, вже можна вести мову про зародження пропаганди як мистецтва переконання, якому на професійному рівні навчали софісти.

За доби модерну ситуація змінюється разом із формуванням складних за структурою суспільств із самодостатніми індивідами, котрі наділені свободою вибору у всіх сферах життя. Місце релігії поступається ідеології, обсяги інформації збільшуються і роль пропаганди починає зростати. Проте визначальною вона стає, починаючи з ХХ ст. (у зв'язку з її роллю у світових війнах, політиці та бізнесі). А в умовах інформаційного суспільства вона стає невід'ємною складовою частиною сучасного життя. Через постійне зростання кількості різноманітної інформації, сучасна людина фізично неспроможна сприйняти та критично проаналізувати оточуючий інформаційний простір для формування власного погляду та орієнтації у суспільному житті.

Сучасний активний розвиток пропаганди обумовлений, з одного боку, бажанням комунікаторів формувати у цільової аудиторії бажане ставлення до чогось, суспільне схвалення стосовно чогось, певні бажання та переконання. До того ж пропаганда завжди використовується як засіб управління та контролю у гетерогенних суспільствах. Тому жодна держава не може існувати без пропаганди. А з іншої сторони, «живучість» пропаганди обумовлена особливим становищем людини у світі. Йдеться про антропологічну залежність людини від зовнішніх орієнтирів, а саме символів, знаків, тобто різноманітної інформації для орієнтації у світі. Від природи людина наділена мінімальною кількістю генетичних програм (інстинктів), на відміну від інших живих істот, тому залежна від негенетичних орієнтирів [6, с. 56]. Таким чином, інформація виявляється невід'ємним атрибутом людського життя. Звісно, пошуки інформації людина здатна здійснювати самостійно, проте за своєю сутністю людина – істота соціальна, а життєдіяльність кожного суспільства неможлива без засвоєння спільних базових настанов, цінностей, уявлень тощо для поступального суспільного розвитку. До того ж суспільство потребує механізму прийняття рішень для відповідей на складні питання та координації дій, тому й зростає роль пропаганди.